

ПРАСКОВЬЯ СТЕПАНОВНА ЛЫБАШЕВА

Прасковья Степановна Лыбашева — слепая неграмотная старушка, 77 л., из д. Малые Нисогоры Лешуконского района. Ослепла за 10 лет до приезда экспедиции, 40 лет вдовела. В 1928 г. жила в огромной семье своего сына (жена, 5 детей, из них один сын женатый, имел 2 детей), где няньчила двух малолетних правнучек. Раньше жила кухаркой в Архангельске и на другой работе и затем, пока не ослепла, ходила работать по людям.

Былинам научилась от одного старика Егора Ивановича Мартюшина из Тиглявы. По ее словам, пела раньше хорошо. Как овдовела, девушки к ней ходили «на вецерёньку», просили ее петь: «Бывало, девки постарше просят, слушают, учатця. А нонь не надо».

Обе былины отличаются крестьянским колоритом образов. Исполняла их Прасковья Степановна на один и тот же напев довольно выразительно, особенно выделяя лирические места, например, видимо, душевно близкий ей трогательный образ горюющей матери, покинутой женой Добрыни.

Кроме публикуемых былин, от нее записаны стихи о «Христовом вознесении» и о двух Лазарях. (Рукоп. хранил. Фолькл. ком., колл. V.)

ПРО ДОБРЫНЮШКУ МИКИТИЦЯ

Срежаитце Добрынюшка во цисто полё,
Сподобляитце Микитиц во роздольце.

- Он своёй жоны да наказыват,
Он Настасьи Микулишны наговариват:
- 5 «Как пройдёт тому времецко шесть годов поры,
Хоть за князя пойдя хоть за бояра,
Хоть за купца ты пойдя за торгового,
Не ходи за Олёшу за Поповиця,
Олёша силен не силен, только напуском смел».
- 10 Миновалось тому времецко шесть лет поры,
И никто на Настасьи боле не сватайтце.
Приеждяёт Олешенька Поповиць млад,
Она думала-подумала, замуж пошла
За того же за Олешу за Поповиця.
- 15 Оставляет Добрынину родну матушку
На кирпичней на жаркой на пеценьке,
Горющими слезами уливаетця:
«Ищо кто же меня будет поить-кормить,
Ищо кто же будёт обувать и одевать,
- 20 Ищо кто же будёт теплом обогреть?»
Взглянула в косещето окошечко,
Взглянула она да во цисто полё,
Во цистом поли курева стоит
(*Сын с войны едет*),
Курева-то стоит да ле дым столбом валит.
- 25 Пролетает, проеждяет добрый молодец,
И по тем же по Добрыниным жолтым сукнам,
Приеждяёт Добрыня к дому своему
- И ставит коня да к дубову столбу,
Он и вяжет коня к золоту кольцу.
- 30 И по сеням бежит да ле скоро наскоро,
Он в избушку заскочил да ле круто накруто.
И он крест-от кладёт да ле по писаному,

Он поклон ведёт да ле по уцёному,
Он молитву творит прав' Исусову.

35 «Уж ты здраствуёш, Добрынина родна маменька!»

— «Уж ты здраетвуёш, удалой доброй молодец!

Не видал ле ты у меня сердцецкого дитетка?»

И схватил он платье бохатырское,

Смахнул он рубашку тонку полотнену

40 И признал руку правую.

А под правой под пазушкой-то бородавоцька,

А на этой бородавоцьке три золотых волоска.

— «Уж ты здраствуй, сердцецно моё дитятко!»

— «Уж ты здраствуй, родима моя маменька!

45 — «А уж нет у тебя другой семьи,

А другой-то семьи, молодой жоны».

— «Ты пойдн-ко сходи-ко во кованый сундук,

Принеси-ко ле мне да золотой казны,

Мне не много, не мало да петьдесят рублей,

50 Да ещо принеси мне да звонки гусельцы,

Да ищо мне принеси злачон перстень,

Да которым перснём я обручалась.

Да ищо мне принеси платье калицкое»

(Каликой хочет наредиться).

И сходила ёму матушка круто накруто,

55 И средилса ли он скоро наскоро

*(Она вишь ему сказала: «Поедешь — она у венця
не стоит, а приедешь — она за столом сидит),*

И средилса поехал скоро наскоро,

Взгленула в окошечко — не видно нигде.

Приеждяёт к Олёшину широку двору,

Он и вяжет коня к дубову столбу.

У ворот-то стоят да приворотники,

У дверей-то стоят да всё придверники,

Среди двора стоят да ле крепки сторожа.
Он идёт и даёт им по пети рублей,
Приворотникам, придверникам,

279

- 165 Среди двора крепким сторожам;
И во гриню заскочил круто накруто.
Он и крест он кладёт по писаному,
Он поклон ведёт по уцёному.
— «Уж ты здраствуй, Олёшенька Поповиц блад!
70 — «Уж ты здраствуй-ко, калика да перехожая!»
— «Уж ты здраствуй-ко, Настасья Микитишна!»
— «Уж ты здраствуй-ко, калика перехожая!»
— «Ище все-то места у нас призанеты,
И одно место есь на пецном столбе».
75 Заскоцил тут Добрынюшка круто накруто:
«Ты позволь-ко, Олёшенька, во гусли сыграть».
— «Играй, играй, калика, сколько хош играй».
Во первы-то заиграл — Настасьюшка подумала,
В' вторы-то заиграл — слезно заплакала.

Вот ему и велит Олёше:

- 80 «Ты налей-ко цяру да зелена вина,
Не малу, не велику — полтора ведра».
Наливаёт Олёшенка цяру зелена вина.
Подавает калике да перехожеей
(Настасья подавает).
Принимает он цяру к одному духу,
85 Да спускаёт в цяру злацён перстень.
Вынимает она перстень тут из цяры то,
Наложила она перстень да на праву руку,
Она правой ногой на стол стала,
А левой ногой из застолья вон.

90 Они бо́у помолились да вон пошли,
И подразнил он Олёшеньку Поповиця:
«Ты здорово женилса, тебе не с кем спать».
(*Всё боле, он увёз ее.*)

38

[ДУНАЙ]

Во стольнём во городе во Киеве
Да у князя у Владимира был почесен пир.
Ищо все на пиру да ле напивалисе,

280

Ищо все на чесном да наедалисе,
5 Ищо все на пиру да пьяны-веселы
И стали на пиру да розговаривать.
Как бо́хатой-от хвастат да золотой казной,
А середнёй-от хвастат да родной сестрой,
А глупой-от хвастат да молодой жоной.
10 Князь Владимир по горенке похаживат,
Он белыма рукама розмахиват,
Золотыма перснями принащолкиват.
«Ещо што у нас в главном городе Киеве все споженены,
И девушки все взамуж повыданы,¹
15 И один я князь Владимир только холост хожу,
Холост я хожу да ле не жонат служу.
Вы не знаите ли где да супротивницы,
Супротивницы да ле мне да молодой жоны?
Ищо ростом была да ле висока,
30 И руса бы коса была до пояса,
У ей ягодицы были да как маковицы,
У ей черны глаза да как у сокола,

¹ Этот стих сказан, а не спет.

У ей черны брови как у соболя?»
Ище тут все за столом да приуныли,
35 Старший-от кроетця за среднего,
А средний хоронитця за меньшего.
Из того из стола из-за заднего
Выставаёт Добрынюшка на резвы ноги:
«Ну позвол-ко, князь Владимир, да слово молвити,
30 И не бить меня за слово, не весити,
Не ссылать меня в ссылки да ле дальняя,
Не садить меня во темни погрёбы».
— «Говори, говори да цёго знаш говори,
Не скажу тебе ни одного слова супротив».
35 — «У тя есь во подпогрёбе посадничек,
Он сидит не много не мало — тридцать лет,
Он бывало жил-ходил по иным странам,
И был он жил у короля литовьского,
И во том в царьсве во проклятом же.
40 Ищо было у его две доцери хорошия,
Одна Настасья королевичня,

281

И така паленица приудалая
(*На войне всё виш стрелят!*),
А друга Опраксея да королевичня,
И можно будёт тебе назвать царицею
45 И королю назвать да королицею.
А белым она бела да ле ростом висока,
И коса у ей руса тут до поеса,
И ещо ягодицы у ей как маковицы,
Ясны глаза как у сокола,
50 Черны брови как у соболя».
И тут бохатырьско сердце да роскипелосе,
И горяция кровь да розгорелосе.

— «Вы подите-ко, слуги, скоро наскоро,
Отмыкайте вы погреб круто накруто,
55 Вы берите Дунаюшко за белы руки¹
И ведите Дунаюшко пред моих оцей».
И побежали тут слуги скоро наскоро,
Отворяли погреб круто накруто:
«Выходи-тко, Дунаюшко, на светую Русь,
60 Ищо к нашему князю да ко Владимёру,
И зовёт он тебя на почесён пир».
И выходит Дунай да ле вон из погреба,
И берут Дуная за белы руки,
И привели они Дунаюшку на почесен пир.
65 — «Перво место тебе да во большой угол,
А второ те место середь лавицы».
— «Никуда я не седу, седу к брату крестовому,
К своему Добрынюшки Микитицу».
И наливают ему цяру да зелена вина,
70 Не малу не велику — полтора ведра.
— «А всем была служба явлена,
А на тебя, Дунай, да опрокинута».
(Это невесту искать.)
Отвечает Дунаюшко ему тут тут:
«Я сидел во погребе тридцет лет,
75 Бывает я забыл всё, призапаметовал».
— «Ну бери ты силы себе сколько тебе надобно,
Выбирай коней бытто лучше всех».

282

— «Мне не нать твоя сила сильняя,
Я возьму только брата крестового».
80 И пошли на конюший двор — коней выбрали,

¹ Этот стих не спет, а сказан.

Оседлали они да поехали.

Приеждяют ко царьсву ко литовьскому,
Вяжут коня за стену да городовую.

Добрынюшка осталса здесь за воротами,¹

85 А Дунаюшко отправилса прямо к царю,
Отправилса к ему на широкой двор.

И тут стоят да приворотники,

У дверей стоят да ле придверники,

Он идёт у них ницего не спрашивает,

90 И заходит к царю он и сам на лицё:

«Уж ты здраствуй, король да литовьской!»

— «Уж ты здраствуй, Дунай сын Ивановиць!»

— «Я хожу к тебе о добром деле о сватовсьве

На твоей же на доцери королевицне,

95 Как по имени Опраксеи королевицне».

— «Кабы ты у меня, Дунаюшко, не служивал,

Не сидел бы у меня в лавке за товарами,

Уж я сек бы у тебя да буйну голову.

(Там своих солдатов кликнул)

Берите вы за белы руки,

100 Вы ведите Дунаюшку вон из дверей!»

Подхватили Дунаюшку за белы руки,

Потащили ёго да вон из светлицы,

Он рукой трехнул — всех убил.

И заходит он к королю второй након:

105 «Уж ты добром мне не отдаш — возьму силою».

Отпираёт он у ей двери железныя,

Отмыкает у ей вторы двери

(Она за вторыми дверями там у его сидит).

И тут Опраксея да испугаласе,

¹ Стих этот не спет, а сказан.

И под лавоцку она да пихаласи.

110 — «Ну, срежайся, Опраксея да королевичня,
Ты за нашего князя да за Владимира
Во замужество».

Она и говорит:

«Кабы была у меня да родна сестра,
Как Настасья да королевичня,

115 И она у нас палениця да приудалая,
Не запустила она вас да в наш город».
— «Ну срежайсе и только розговору нет».
И воткнул он свою саблю вострую,
Воткнул саблю свою во кирпичню печь
(*Вот тебе, если не поедеш!*).

120 И средилась Опраксея королевичня.
«И пусти меня к батюшку блаґословитесе,
Блаґословитесе с им проститесе».
Не спустил тут Дунай её с глаз больше,
Повёл её да по широку двору,

125 И повёл её по ихнему граду.¹
Выводит он ей из широка двора,
И садит он ей к брату крестовому:
«Поеждяй-ко ты премым путём
И премым путём прямо ' князю Владимиру»

130 А я поеду дорогой окольнима
И буду искать Настасью королевичню».
И ездил, да ездил, да съехались.
И стал он тут с ей всё равно как воевать.²

¹ Стих этот сказан, а не спет.

² Тоже.

И пала Настасьюшка на сыру землю,
135 И розорвал латы железныя,
И усмотрел он у ей пельки женския,
И тогда они с ей да побратались.
И поехали да ле с ей во стольний град,
И приехали оны к князю Владимиру,
140 И приехали оны к ему да на почесен пир.
И вси на пиру да хвастались,
И вси на пиру да прихвастались,
И тут Настасьюшка слово да молвила:
«Ваши ти русский биться только палицами,
145 А меня горозни стрелети нет».
И тут Дунаюшку слово не пондравилось:
«Выходи ты, Настасьюшка, из стола выходи
(*Я забыла нонь, не клейко выходит*),

284

Мы поедем с тобой во чисто полё».
И тут она стала слезно плакати,
150 Ищо стала его да уговаривати.
Тут царская кровь да розгореласе,
У Дунаюшка сердце да раскипелосе
(*Он ее зовёт стрелятьсе*).
— «Не поедём, Дунай да сын Ивановичь,
Ты застрелишь меня, у меня в нутроби два младеня
зародилися. Они ведь уже сообщилисе».
Нунь не верит Дунай сын Ивановичь.
155 — «И садись ты, Настасьюшка, на добра коня!»
И сели они тут и поехали.
Ищо выехали да во чисто полё
И стали друг дружку стрелятися.
В первой раз стрелил — не дострелил,

160 Второй раз — не дострелил,
Третий раз-от стрелил — застрелил.¹
Тупым то концём да во сыру землю,
А вострым то копьём в ретиво серце:
«Протекай от меня да как Дунай река,
165 А от моей жены вырастай кипарисно дерево!

¹ Стихи 159–161 не спеты, а сказаны.